«Золотая неделя» закончилась, в особняк вернулась былая тишина, а я вновь окунулся в школьную жизнь.

С апреля, перейдя во второй класс, я оказался в одном классе с Тасиро, знакомой из клуба разговорного английского. Увидев меня после долгих выходных, она удивленно наклонила голову.

— Инаба… Это ты?

— В смысле?

— Да так. Ты что-то похудел или мне кажется?

— Скажи лучше, подтянулся.

Понятное дело, признаться, что все майские выходные тренировался на мага, у меня язык не повернулся (да и не поверит все равно).

Но школьная жизнь действительно потекла своим чередом. «Пти» спокойно лежит в портфеле, Фул держит (пока) данное мне слово. Да и причин появляться ему нет. Разве что иногда поинтересуется из нагрудного кармана рубашки, как у меня настроение (если подумать, относительно безопасный способ заявить о себе). Ни о каких сражениях с нечистью и речи не идет.

Но все же мне не давали покоя недавние слова Рю-сана:

«Разумеется, настоящих сражений с нечистью едва ли стоит ожидать, но знаешь, как бывает. Понравилось тебе какое-нибудь кафе, а это оказалась популярная сеть. И вдруг ты начинаешь в собственном районе регулярно на нее натыкаться, хотя раньше не обращал на эти кафе никакого внимания. Узнав о чем ты, ты начинаешь чаще с этим сталкиваться».

Хотя тогда я еще не понимал, что это значит.

Но вернемся к школе. С этой весны нашим классным руководителем стал учитель английского.

Кацумаса Миура. Учительский стаж всего три-четыре года, самому еще нет тридцати, но выглядит усталым от жизни дядькой.

Вытянутое и худое, болезненно бледное лицо. За очками в металлической оправе прячутся большие, но при этом колючие глаза. Производит впечатление очень умного человека, но из-за его неизменного мрачного настроения и крайней серьезности все предпочитают держаться от него на расстоянии.

— А ведь Миура в студенческие годы состоял в театральном кружке, — поделилась как-то Тасиро неожиданной информацией.

И откуда только девчонки узнают все эти слухи и личные сведения?

— В театральном кружке? Никогда бы не подумал. Или они ставили что-то современное, непонятное?

— Нет. Играл главные роли в классических шекспировских пьесах.

— Ничего себе!

Вообще-то, да, добавь Миуре немного лоска, и он сойдет за среднего красавца. Фигура у него ничего, черты лица тоже, кроме того, он еще очень молод. Объясняет понятно, ничего не упускает, сразу видно, что он далеко не глуп.

Если бы не его мрачность. Чтобы играть главные роли в театре, необходима харизма и уверенность в себе, и хотя, если судить непредвзято, и того, и другого у него должно быть в достатке, в действительности Миура сейчас напоминал пустую оболочку.

— Похоже, в прошлой школе с ним что-то случилось, — понизила голос Тасиро.

Я понимающе кивнул.

— Скорее всего.

Серьезные ребята плохо приспосабливаются к обстоятельствам, их все может задеть.

Мне не составило труда представить, с какими трудностями мог столкнуться Миура, только-только став учителем, и как он, с его прямолинейностью, сильно из-за них переживал. Мне даже немного стало его жаль, хотя обычно он меня изрядно раздражает.

Миура всегда подробно отвечает на дополнительные вопросы, но взгляд у него при этом очень неприятный. Будто он думает про себя: «Что ты за идиот, это же элементарно!». И это невысказанное высокомерие бесит.

Настолько, что из опасения, как бы не сорваться и не врезать ему по морде, я стараюсь связываться с ним как можно меньше, что не так уж сложно, он всего лишь классный руководитель, даже не куратор клуба, кроме как на уроках мы не встречается, и на том спасибо.

Во всем остальном новый учебный год ничем особо не отличался от прошлого.

Шла вторая половина сезона дождей, каждый день при взгляде на небо настроение моментально падало.

Из-за не прекращающего капать дождя и удушающей влажности вся школа погрузилась в тоску.

Тогда это и началось.

В бизнес-колледже Дзёто вдруг заговорили о привидениях.

— Что слышат?

— Привидение… Точнее, некий жуткий голос, — уточнила Тасиро.

— Ха! — фыркнул я.

Мы же не в начальной школе, какой старшеклассник поверит в «Ханако-сан из туалета». У нас уже в средней никто страшилки не рассказывал.

— Но это все не сейчас началось. Говорят, там уже давно творятся всякие странности.

Под «там» Тасиро имела в виду небольшое подсобное помещение на втором этаже спортивного, он же актовый, зала, где хранятся занавес, инвентарь и прочая необходимая мелочь.

Обычно туда никто не заходит, за исключением ребят из театрального кружка, которые хранят там реквизит. И именно среди них уже какое-то время курсирует этот слух.

— Говорят, если пробудешь слишком долго в той подсобке, тебе начинает казаться, будто за тобой кто-то наблюдает. Но ее недолюбливали еще до этого, там тесно, пыльно и вообще как-то мрачно, — со значением добавила Тасиро.

— Воображение у людей разыгралось, и все. Тем более, с их неокрепшей психикой и желанием выделиться, не зря же они в театральный кружок подались, вот им и кажется, будто на них смотрят.

— Ты бы попридержал язык, Инаба, а то тебя такими темпами кто-нибудь когда-нибудь вздернет.

Кстати, забыл упомянуть, с этого года мы с Тасиро не только оказались в одном классе, но и сидим за соседними партами.

Год назад летом Тасиро сильно пострадала в ходе несчастного случая, а я, случайно или по воле судьбы оказавшись рядом, взял на себя урон от ее ран, что помогло ей полностью поправиться.

Благодаря произошедшей между нами «синхронизации», мы с Тасиро на время оказались связаны ментально или духовно, не знаю, как правильнее. Тасиро, конечно, об этом не знает, но где-то на подсознательном уровне воспоминание о случившемся, видимо, осталось, потому что, вернувшись уже в полном здравии в школу, она стала вести себя со мной, будто мой давний приятель. Нет, я вовсе не против.

Скорее наоборот, учитывая, что я близко общаюсь разве что с одним Хасэ, может, и хорошо, что нашелся человек, не обращающий внимания на выстроенную мной стену отчуждения.

Раньше я вообще плохо сходился с девушками, но под влиянием Акинэ-тян начал понемногу исправляться. Тасиро в этом плане очень на нее похожа: с ней можно разговаривать на любые темы, она, не стесняясь, хохочет в голос и не заостряет внимания на мелочах. С ней легко, и я могу быть самим собой.

Вот только…

Ладно, мы соседи по партам, но это не значит, что мы и обедать на большой перемене должны вместе, а, Тасиро?!

Не говоря уже о том, что с ней всегда две ее подруги, и получается, что я за своей задней партой в крайнем ряду оказываюсь окруженным тремя девушками. Нельзя обедать чисто женской компанией?! Зачем садиться вокруг меня?!

Но встать и пересесть к парням будет выглядеть несколько странно. Тем более что большинство парней в Дзёто обедает в холле (он же столовая). В классе с бэнто остаются практически одни девушки, зато холл на большой перемене кишит парнями. Даже те, у кого нет аппетита, невольно туда уходят.

Но есть в холле бэнто… тоже как-то не очень. Вот и получается, что из всего класса я единственный парень, который остается обедать за партой.

— У Инабы как всегда вкуснятина!

— И так все красиво и аккуратно порезано и разложено!

— Прямо вырезка из журнала!

Для меня большая радость и гордость слышать, как нахваливают превкусно-прекрасный и продуманный до мелочей бэнто Рурико-сан. Но всякий раз, когда я открываю крышку бокса, эти девчонки во главе с Тасиро устраивают такой галдеж, что одноклассники на меня стали как-то странно поглядывать. Вот уж не было печали!

Может показаться, будто я пользуюсь успехом у девушек, но это не так! Категорически нет!

Э-эм, так о чем я говорил?

А-а, вспомнил, о «Ханако-сан из туалета», да?

— Но если раньше в той подсобке было просто неприятно, с этого года, говорят, там вообще стало страшно находиться.

Тасиро всегда трещит за обедом, пересказывает сплетни и делится прочей информацией, понятия не имею, где только она ее берет. Но я уже научился воспринимать ее треп как фоновый шум и не обращать на него внимания.

— Я тоже слышала от сэмпая. Они как-то раз репетировали допоздна и вдруг услышали, как из той комнаты доносится такой звук, будто кто-то бормочет, — подхватила разговор подруга Тасиро, Сакураба.

— Да просто там действительно кто-то был, в той подсобке.

— Видели окошко, что выходит в зал? Девочки из секции бадминтона говорят, будто во время тренировки кто-то оттуда за ними наблюдал! — добавила вторая подруга, Какиути.

— Так я и говорю, там просто кто-то был.

— Ну хватит, Инаба, чего докопался!

— Не пробовал помечтать?

Помечтать о привидениях?! Я невольно расхохотался.

Пусть я знаю, что магические книги на самом деле существуют, и сам могу творить магию, это не значит, что я поверю во все школьные страшилки и городские легенды. Знать, что сверхъестественное существует, и безоговорочно верить слухам — это разные вещи.

Надо же мне придерживаться хоть каких-то границ!

— Господин, господин, — вдруг услышал я шепот и, резко опустив взгляд, увидел высунувшегося из нагрудного кармана Фула.

— Ты что-то сказал? — вопросительно посмотрела на меня сидящая напротив Какиути.

— Нет… Ничего! — я прижал ладонью нагрудной карман.

— Ты чего? Ты что-то прячешь, Инаба?

— Подозрительно!

Ох уж эти девчонки, ничего от них не скроешь… Точнее, вечно суют нос, куда надо и не надо. Поэтому и глупые страшилки столько интереса вызывают.

— Что ты там прячешь?! Покажи!

— Я точно что-то слышала!

— Эй, хватит!

— Доставай все из карманов!

— Раздевайся!

— Осмотр личных вещей!

— Вы куда руки суете!

— Не сопротивляйся!

— А ну попрыгай на месте!

Разбойницы с большой дороги, чтоб их!

И тут…

— Тихо!!! — прогремел визгливый истеричный голос.

Мы и остальные девушки в классе замерли.

В заднем дверном проеме стоял Миура и злобно на нас смотрел.

Именно злобно. Это было не просто раздражение, его взгляд был полон другого, куда более сильного чувства. Похожего на ненависть.

Мы ошеломленно молчали. Может, мы и правда сильно расшумелись, но ведь сейчас большая перемена. Зачем так смотреть?

Миура, какое-то время посверлив нас взглядом, с презрением бросил:

— Хватит хвостами вертеть!

И ушел.

Мы в шоке уставились ему вслед.

— Ч-чего он? Что мы такого сделали! — отмерла Тасиро, но в голосе у нее было больше испуга, чем возмущения.

Миура правда очень странно себя повел. Учителя, конечно, должны делать замечания расшумевшимся ученикам, но не орать же!

И вообще, что он себе позволяет?! Никто ни перед кем хвостом не вертел, с ума сошел?! В классе, полном народу, да еще средь бела дня, ага, конечно!

— Что значит «вертеть хвостом»? — на лице Сакурабы было написано искреннее недоумение.

— Э-эм… Ну…

Пока я подбирал слова, стоящая рядом Тасиро невозмутимо ответила:

— Кокетничать.

Сакураба подпрыгнула.

— Что?! Гадость! Фу! — с непонятным задором закричала она и захлопала Какиути по спине.

Та устало усмехнулась.

— Правильно я говорю, Инаба?

— Ну, в принципе… Если деликатно… Потому что «вертеть хвостом»… это когда сравнивают с собакой… ну… во время… э-эм…

Девушки, видимо, поняли, к чему я веду. Если подумать, то еще образное выражение, «вертеть хвостом».

— Ой, мамочки! Ну и картинка! Ха-ха-ха! — захохотала Сакураба, на этот раз захлопав уже по моей спине.

— Вот урод! Как он посмел! Это же оскорбление! — разозлилась Какиути.

— Мы так выглядели со стороны? Кошмар! — посмотрела на меня Тасиро.

— Нет, это с Миурой явно что-то не так. Видела, как он на нас смотрел? Учителя не должны так смотреть на учеников.

— Ну, вообще да, злой был взгляд…

Пятым уроком была самоподготовка, поэтому я поднялся на крышу и залез на бак для воды, куда обычно и на большой перемене никто не заглядывает.

— Я же просил не появляться на людях, Фул.

Фул, возникнув прямо из воздуха, опустился на «Пти» и низко поклонился.

— Нижайше прошу меня простить, господин.

Ни в этом жесте, ни в его голосе не слышалось ни намека на сожаление.

— Леди беседовали на столь интригующую тему, что я забылся.

— Леди? Ну-ну… Ты о привидении в подсобке?

— Совершенно верно. Такая любопытная история, вам не кажется?

— Неужели сверхъестественным созданиям интересны потусторонние истории?

— Кхм… Э-эм, в общем, можно сказать и так, — развел Фул руками.

— Не буду я в это лезть. Говорю же, наверняка девчонки все придумали. Я когда сюда поступил, ни разу не слышал ни о чем подобном. Самоубийств и несчастных случаев, насколько мне известно, в школе тоже не было. С чего вдруг там привидению завестись?

— Так давайте сходим и проверим! — заговорщически подмигнул мне Фул.

Мне кажется, или он умело мной манипулирует?

— Можно погадать, есть там что-нибудь или нет, — добавил он.

— Погадать?

Открываю «Пти» на странице «Колесо Судьбы».

— Колесо Судьбы! Норны!

— Норны! Скульд, Верданди и Урд — три богини судьбы!

Сверкнула светло-голубая молния, и передо мной появились три богини и большой черный котел.

— Вызывали, господин?

При слове «богини» обычно приходят на ум древнегреческие скульптуры, красавицы в белых одеждах и с лицами, прикрытыми вуалью (Или это у меня устаревшее представление?!), но у

сошедших в современный мир из магической книги трех леди не было с ними ничего общего.

— Что за… Вы похожи на старшеклассниц, связавшихся с дурной компанией!

— Простите?

У одной были каштановые, завитые мелкими кудряшками волосы, заколотые сбоку крупной заколкой в виде цветка. У второй на длинных осветленных до желтизны волосах блестели ряды невидимок, глаза были густо накрашены, так что казалось, что у нее страшный недосып, пальцы заканчивались длиннющими ногтями разных цветов, а на запястьях позвякивали дешевые браслеты. Ко всему этому прилагалась ультракороткая юбка и луз-сокс.

Наконец, третья… Это кто… Гангуро?! Коричневое лицо и белые губы — кажется, когда-то давно среди глупых девчонок была мода на такой макияж!

Кудрявая растерянно наклонила голову.

— Что-то не так? Мы хотели соответствовать моде.

— Откуда вы узнали про такую моду, Скульд? — тяжело вздохнув, спросил Фул.

— От Ката Ши…

— Что?! Ты бредней того кота наслушалась?! Совсем башка не соображает?! — закричала вдруг блондинка.

— Он больше всех обо всем знает!

— Что он знает?! Из-за него мы вырядились, как дуры!

— Сама сказала, нужно выглядеть современно!

— Отвали, старая карга!

— Меня лишь для удобства зовут старшей сестрой, так мы одного возраста, нахалка!

Пока две богини начали грызться, третья, гангуро, разрыдалась:

— А я говорила, что не на-а-адо! Дурацкое лицо-о-о! Глупый Кат Ши-и-и! И вас я тоже ненави-и-ижу!

Какое-то время я молча за ними наблюдал, пока, наконец, не выдержал:

— Чего это с ними?

— Эти сестры вечно ссорятся. Казалось бы, тройняшки, живите дружно, но нет!

Видимо, поговорка про «три женщины — уже базар» относится не только к смертным, но и к богиням.

Так я познакомился с тройняшками-богинями: кудрявой Верданди, блондинкой Скульд и гангуро Урд.

— Просим прощения за наше неподобающее поведение, господин.

Все три, сидя на коленях, низко поклонились.

— Я ни в чем не виновата.

— Замолчи, Балдаурд.

— Она меня обозвала! Уэ-э-э!

— А ну прекратите, вы обе! Господин ждет гадания!

— Заткнись! Не приказывай мне!

Троица, ругаясь вполголоса, окружили черный котел и коснулись ладонями его краев. Похожая на воду прозрачная жидкость внутри начала вращаться.

— Норны, объединив силы, способны на многое. Гадание, ясновидение, симпатическая магия и так далее.

— Объединив силы, говоришь… А у них получится?

— В их случае нельзя утверждать наверняка, — легкомысленно улыбнулся Фул.

— Так и знал!..

Толку от «Пти» никакого!

— Урд! Хватит хныкать! Я не могу сосредоточиться!

— Но они сами льются!

— Ну немножко же осталось! Помолчите, вы!

Три богини, не прекращая перепалку, заглянули в котел. Прошло несколько секунд, после чего Скульд объявила:

— Мы чувствуем что-то вязкое и черное, господин.

— Вязкое и черное? И что это значит?

Богини, мило улыбаясь, замотали головами. Сами не знаете, что ли?!

— Все, хватит. Возвращайтесь.

И я решительно захлопнул «Пти». Лучше бы я подремал.

Ну что ж. Шестым уроком английский с Миурой. Интересно, с каким лицом он явится в класс.

— Господин! Там определенно что-то есть! Давайте сходим! Ну давайте! — стоя на моем плече, с неуместным энтузиазмом дергал меня за ухо Фул.

— Ладно, хорошо, хорошо! После занятий в клубе.

И я, и Тасиро слегка нервничали перед началом шестого урока, но Миура провел его, как ни в чем не бывало. Словно после большой перемены успел стать совсем другим человеком… Точнее, наоборот, это тот Миура, что буравил нас ненормально злым взглядом, был сам на себя не похож.

Миура в своей обычной манере четко и без запинок объяснял сегодняшнюю тему, ничто в нем, ни выражение лица, ни поведение, не напоминали о той вспышке. Невольно подумаешь, может, в него тогда бес вселился?

На мой взгляд, чем те невнятные слухи о подсобке, этот случай с Миурой вызывал куда больше

вопросов.

— Ничего не понимаю. Странный он какой-то, этот Миура, — поделилась своими мыслями Тасиро, когда мы шли на занятия в клубе.

— Может, стресс накопился? Или у него этот, как его, ну… ПТРС, вот!

— Это еще что?

— Психическое травматическое стрессовое расстройство… Или посттравматическое стрессовое расстройство?.. Короче, расстройство после какой-то психологической травмы!

— А, это как у меня, я тоже после той аварии какое-то время жутко мотоциклов пугалась. Ты ведь об этом?

— Наверное, да.

— Думаешь, с ним в прошлой школе произошло что-то такое, что до сих пор вот так отдается?

— Это только мое предположение.

— Хм… Попробую разузнать.

Ладно Хасэ всегда держит руку на пульсе и старается выяснить о человеке всю подноготную (у него есть на то серьезная причина), но даже он, думаю, побледнеет, узнав, какой обширной информационной сетью владеет эта совершенно обычная старшеклассница. И зачем, спросите, это Тасиро? Для неиссякаемого источника сплетен!

Отзанимавшись в клубе, я, устав от надоеданий Фула, отправился к той подсобке.

В зале еще шла тренировка по бадминтону. Прохожу вдоль боковой стены и поднимаюсь по лестнице сбоку сцены на второй этаж. Хотя «этаж» — это громко сказано, кроме подсобки здесь больше никаких помещений нет, да и ее саму скорее стоит называть чуланом, такая она маленькая.

Кабинет театрального кружка находится за сценой. Занятия, похоже, еще не закончились, потому что до меня долетали девичьи голоса (в Дзёто и так с парнями плохо, а в театральном кружке вообще одни девушки).

Поднимаюсь по узкой лестнице к подсобке.

Актовому залу уже много лет, поэтому стены закулисья расписаны узорами от дождевых потеков, ступеньки противно скрипят, и из-за отсутствия лампочек темень стоит — вырви глаз. Да уж, мрачное место, не поспоришь. Неудивительно, что девушки его побаиваются.

Скрииип, — застонала под ногой деревянная ступенька.

Я досадливо поморщился, и одновременно с этим из нагрудного кармана высунулся Фул: «Господин…», — а мне в спину что-то ткнулось, так что я едва сдержал вопль.

Резко обернувшись, я обнаружил позади себя стоящих друг за дружкой «трещоток» по главе с Тасиро.

— Вы?.. Вы что тут забыли?!

— А ты что тут забыл, Инаба?

Все три ехидно улыбались.

— Мы увидели, как ты сюда идешь, и пошли за тобой. Столько над нами насмехался, но признайся, тебе самому интересно, что здесь творится!

Хватит лыбиться, Тасиро, будто поймала меня на чем-то непристойном!

— Вовсе нет! Я просто…

«Поддался уговорам Фула», — не договорил я. Вместо этого похлопал себя по нагрудному карману, намекая Фулу, чтобы тот вел себя тихо.

— Подумал, может, тут правда что-то интересное…

— Тихо! — шикнула вдруг Какиути. — Вы ничего не слышите?

Мы все затаили дыхание.

До меня донесся едва различимый звук. Человеческий голос.

— Мамочки… — собралась завизжать Сакураба, но Тасиро вовремя зажала ей рот ладонью.

Ритмичное, точно читающее заклинание, бормотание раздавалось откуда-то сверху. Из подсобки.

— Ну точно привидение…

— Там просто кто-то есть.

С этими словами я решительно преодолел оставшиеся скрипучие ступеньки.

Но в миг, когда я уже собрался взяться за ручку двери подсобки — бам! Та резко распахнулась. Девушки от неожиданности подпрыгнули.

В проеме стоял Миура.

— Миура… сэнсэй?!

Миура бросил на меня источающий ненависть взгляд. Взгляд, достойный матерого преступника, но никак не учителя. Покосившись на девушек, он, нарочно громко топая, начал спускаться по лестнице, попутно бросив, точно сплюнув:

— Нашли куда припереться после уроков, здесь вам не мотель!

Я вскипел. Конечно, парню и девушке больше же вместе нечем заняться! Это явно у тебя какие-то проблемы, раз тебе везде похоть мерещится!

— Он что о нас думает, совсем охренел, извращенец? — у Какиути на виске запульсировала тонкая вена.

— Точно, и вообще, разуй глаза, называется! Что я с тремя сразу делать буду?!

— Такими заявлениями ты от него недалеко уйдешь, Инаба, — фыркнула Тасиро.

— Мамочки, я так испугалась! Чуть сердце не остановилось! А-ха-ха!

Глядя на бледную и вспотевшую от пережитого испуга Сакурабу, я не сдержал улыбки.

— Я же говорил, что там кто-то есть. Вот вам и ответ. Как говорится, а ларчик просто открывался.

— Какой ларчик?

— Но я не понимаю, что Миура там забыл?

На этот вопрос Тасиро у меня не было ответа.

Но он не заставил себя ждать.

— А-а, так Миура-сэнсэй наставник театрального кружка, — пояснила одна наша одноклассница.

Следующий день, большая перемена. Вокруг меня галдел стихийно образованный кружок почитателей бэнто Рурико-сан (среди них были и такие, кто уже начал делать снимки на телефон).

— Миура — наставник театрального кружка?!

— Заместитель скорее.

— А, ну да, у вас же наставник Хотэй-сэнсэй.

— А Миура-сэнсэй ему помогает, потому что в студенческие годы сам участвовал в постановках.

— Все равно это как-то…

— Эти роллы с лососем просто объедение, Инаба-кун!

— Эй, а ну не есть!

Раз Миура — наставник театрального кружка, ничего удивительного, что он был в том чулане. Может, проверял реквизит или еще что-нибудь в этом духе.

— Я же говорил. Все эти страшилки на деле яйца выеденного не стоят, Тасиро.

— Хм…

Случилось это в самый разгар нашей болтовни. В окно слева от меня с приглушенным звоном что-то врезалось.

— Ой!

Ком грязи. Все стекло заляпало.

— Эй, кто это сделал?! — высунувшись из окна, заорала Тасиро. Откуда-то донесся гадкий смех.

— Хорошо, что окно было закрытым.

— Что за детская выходка, придурки!

Нет-нет, Какиути, старшеклассники — это еще дети. Особенно парни. А вот Хасэ и подобных ему благоразумных ребят как раз стоит отнести к редким экземплярам… точнее, исключениям, подтверждающим правило.

Нет, конечно, среди моих сверстников и студентов много достойных ребят (Хасэ как раз таких вокруг себя и собирает), но полно и недоразвитых идиотов, все мысли и поступки которых основываются на трех китах: бабы, собственные комплексы и непомерно раздутое самомнение.

Чаще всего превалирует желание перепихнуться с какой угодно девчонкой (не путать с «пользоваться успехом у девушек»).

За ним следует стремление казаться крутым (и завоевать популярность).

Третьим идет а-ля «я ни за что ему не проиграю» (или, по-другому, надуманное одностороннее соперничество).

Умы где-то девяносто пяти процентов парней порабощены одним из этих трех, так сказать, основных инстинктов.

И речь не о тех, кто, подстегиваемый похожими желаниями, прилагает усилия, чтобы измениться к лучшему, потому что большинство ребят либо банально не знают, как им быть, либо тупо ничего не хотят делать, так и варятся в собственной озлобленности.

Спросите, с чего я вдруг заделался хладнокровным аналитиком? Я лишь повторяю слова Хасэ.

На самом деле я в некотором роде сочувствую этим беднягам с их мелкими и в чем-то даже смешными проблемами. В конце концов, большинство обычных подростков в период между средней школой и окончанием университета именно такие, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени.

Хотя лично я не понимаю, как можно проживать день изо дня, не имея ни мечты, ни цели, и считать за конец света ссору с девушкой или прыщик на лице. Пусть даже они и страдают на полном серьезе.

Но вспоминая слова Художника (а уж его юность точно не была безоблачной), в нашем возрасте совершенно нормально ломать головы, плакать и злиться из-за девушек, друзей, школы и другой, по сути, не имеющей никакого значения (хотя это понимаешь, порой, лишь спустя годы) ерунды. Даже не то что нормально, а обязательно. В этих переживаниях шлифуется характер, рушатся прежние связи и устаревшие образы мыслей и создаются новые, они необходимы для становления собственного «я».

Сколько вокруг примеров того, как от природы умный ребенок, все детство и юность прокорпевший над учебниками и оттого не научившийся заводить отношения с окружающими, проживший все это время в своем маленьком мирке и не сумевший стать полноценной личностью, уже во взрослом возрасте оказывается не в состоянии чего-либо добиться. Это актуально как для мужчин, так и для женщин.

Но нельзя примешивать сюда так называемых «отаку». Отаку — это личный выбор и конечный результат усилий конкретной личности.

В памяти всплыла жестокая усмешка Художника:

— Проблемы в отношениях, недопонимания… это еще ладно. Есть такие, кто в принципе не желает поставить себя на место другого. Тут уже не идет речь о недостатке общения. Они считают себя центром мира, а всех остальных — так, декорациями. Но даже это они не в состоянии понять, представляешь?

Жизнь таких людей рано или поздно заходит в тупик.

Я сам едва не стал одним из них.

Если бы не Хасэ…

И если бы не обитатели общежития «Котобуки»…

А если бы я так и общался с одним Хасэ, не зная, каково это, расстраиваться и радоваться по пустякам, и пребывая в полнейшей уверенности, что мое мнение — единственно верное? Вполне вероятно, я бы вырос в такого вот эгоцентричного взрослого и, оказавшись однажды в тупике, вступил бы от отчаяния в какую-нибудь секту или, все бросив, отправился бы в путешествие без цели и возврата.

Как же я благодарен, что больше мне это не грозит.

Какое же это счастье, когда тебя окружают удивительные личности и с тобой происходят невероятные события, которые каждый день в пух и прах разносят твою прошлую систему ценностей и помогают построить новую.

Поэтому я не собираюсь лезть в драку из-за всяких болванов, которые в силу своего недалекого развития злятся, глядя, как я «дружу» с девушками. Их раздражение и зависть — необходимая часть становления их как личностей. Но!

Надо же понимать, что делать можно, а что — нельзя, уроды!

Только попробуйте испортить превкусный бэнто Рурико-сан! Я вас так отделаю, что и мама родная не узнает!

Короче говоря, настроение в тот день у меня было паршивое.

Когда я, уже идя из школы, шел по улице перед станцией «Таканодай Хигаси», из-за угла дома раздался презрительный свист.

В узком переулке рядом с торговым автоматом стояли пятеро. Двоих я узнал — с моей параллели (в Дзёто парней мало, даже ребят из других классов запомнишь хотя бы в лицо).

— Что, один возвращаешься, Казанова? Девчонок с собой не прихватил? — ехидно улыбнулся один, хотя сам так и зеленел от зависти.

— Вокруг него вечно бабы толпятся и пищат от восторга.

— Вау, везет же кому-то. И что они в нем нашли? А-ха-ха!

— Может, позовешь сюда нескольких, развлечемся все вместе?

Если по правде, меня всклинило на моменте про «везет». Это они мне, значит, завидуют, да?

Я свернул к ним, на узкую улочку, куда выходили двери небольших баров, и где, если не считать грузчиков далеко впереди, больше никого не было.

Пятеро парней подождали, пока я к ним подойду, и окружили меня.

— Чего тебе? Или согласен поделиться? Только смотри, чтобы на нас всех хватило.

— Не достойны вы моих знакомых девушек.

Бац! — кто-то с силой толкнул меня в спину.

— Ты не зарывайся, понял? И вообще, ты задолбал, думаешь, ты такой крутой, раз вокруг тебя бабы вприпрыжку скачут?

— Если тебе так обидно, можешь тоже поскакать?

В ответ парень сзади попытался меня ударить, но я увернулся и отпрыгнул в сторону, выигрывая небольшое расстояние между собой и их пятеркой.

— Ну что, Фул, припугнем их слегка!

Тут же на моем плече прямо из воздуха появился Фул. Лица всех пятерых одинаково вытянулись, и я едва не прыснул.

— Смею заметить, господин, недостойно расходовать силы «Иерозоикона» на столь жалких противников, — надувшись, укоризненно заметил Фул.

— Не задирай нос, Фул, вы все-таки «Пти»! — засмеялся я.

Судя по лицам парней, они уже совсем перестали что-либо понимать.

— Ничего не поделаешь. Если только слегка.

Открываю «Пти» на странице «Суд».

Повернувшись к застывшим в растерянности парням, я во весь голос прокричал:

— Суд! Брондиз!!!

— Брондиз! Гром, что разбудит мертвых в час Страшного суда!

Бабах!!! — воздух у нас над головами сотрясся от оглушительного грохота.

— Уа-а-а-а!!!

Рог, звук которого по приданию должен разбудить мертвых, породил такую мощную ударную

волну, что парней буквально разметало по переулку, а окна соседних домов все выбило.

После секундного затишья на этот раз загремели панические голоса.

— Что это был за звук?!

— Взрыв?!

С обеих сторон в переулок хлынули люди.

Меня самого сбило с ног, но мне удалось быстро подняться и под шумок скрыться, никем не замеченным.

Выслушав мой рассказ, Поэт расхохотался.

— Забавная все-таки книжка, эта твоя «Пти»!

— Я не ожидал, что так громыхнет. Будто танк выстрелил.

— О, а ты знаешь, как стреляют танки?

— Мы с Хасэ как-то ходили на военные учения. Из первого ряда смотрели, как стреляла танковая колонна. От первой ударной волны у меня по всему телу мурашки побежали.

— Армейские учения на Фудзи? Да, там интересно. А какие там армейские сэмбэи продают! Люблю я такие тематические штуки.

На ужине мы с Поэтом были единственными людьми в столовой.

Горячий удон с щедрой порцией вареного бекона сверху отлично согревал и насыщал в прохладный дождливый вечер.

Размолотый в кашу ямс вязко обволакивает язык и приятно хрустит на зубах. Удон с добавками из бамии, грибов намеко, водорослей и вареного бекона, залитый приправленным умэбоси бульоном и посыпанный сверху луковой соломкой — блюдо не только питательное, но и отлично восстанавливающее силы.

Поэт наслаждается холодным саке под закуску из листьев бразении в мисо с уксусом.

С наступлением темноты вновь полил дождь, посреди него в саду неторопливо порхают синие и желтые огоньки. Иногда, реагируя на чье-то неразличимое для меня присутствие в столовой, они вспыхивают холодным серебряным светом. Но никакое мрачное настроение, навеянное влажностью и сыростью этого времени года, не устоит перед рисом с поджаркой из кальмаров и овощей с чесноком.

— Нужно уметь получать удовольствие даже от сезона дождей, — осушив рюмку саке, шумно вздохнул Поэт.

— Полностью с вами согласен!

На десерт был персиковый мармелад.

— Однако, смешно, что Фул посчитал себя недостойным связываться с какими-то хулиганами.

— Тоже мне, гордый нашелся.

— Прямо умиляешься ему, — усмехнулся Поэт.

— Со мной в качестве мастера ничего большего им все равно не светит. До Букиниста и Рюсана мне как до луны.

— Как говорил Такаяма Тёгю: «Рой там, где стоишь. Рано или поздно, но оттуда забьет источник».

Пауза.

— Угу… — только и смог выдавить я.

— Хе-хе-хе.

Поэт больше ничего не сказал и с улыбкой приступил к мармеладу.

http://tl.rulate.ru/book/98654/3344803